

ТРАДИЦИОННАЯ ЭТИКА ТРУДА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ
ХАРАКТЕРИСТИК ЭТНОФОРА У ОСЕТИН

А.Х. Хадикова

В статье представлен историко-этнографический анализ народной этики труда как части этнокультурного наследия осетинского этноса. С применением историко-ретроспективного подхода, опираясь на письменные этнографические источники, а также на данные эмпирического материала (опроса, проведенного среди студентов – этнических осетин), автор исследует субъективное осмысление этики и ценностей труда в исторической динамике: от периода, когда еще велика была власть обычая (XIX – начало XX в.), и по сию пору. Исследование условно поделено на две части, первая из которых посвящена анализу нравственно-этических убеждений в привязке к конкретным аспектам трудовой деятельности, привычной для осетин этого периода, в частности – обычаю трудовой взаимопомощи, а также трудовым взаимоотношениям в рамках большой патриархальной семьи с ее конкретными институциями и этико-коммуникативными нормами. Особое внимание уделяется субъективному осмыслению качества трудолюбия и его динамики. Во второй части, полностью основанной на анализе эмпирических данных, было выявлено, что сфера труда, несмотря на ее значение в процессах выживания этноса в условиях острого малоземелья в «горский» период, на уровне субъективного восприятия не обрела смыслов причастности к «высокой» морали. В субъективных представлениях современных молодых осетин о своих соотечественниках былых лет они предпочитают ориентироваться на образы, более соответствующие воинственному этосу. Вместе с тем, опрос показал, что относительно своего времени студенты высоко оценивают значение труда как средства достижения успеха. А качество трудолюбия уверенно присутствует в субъективном осмыслении ими образа «лучшего» представителя своего этноса. Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что на уровне статической части этнического самосознания у молодых осетин доминируют ценности, свойственные воинственному этосу. На уровне динамической его части ценности труда представлены в позициях, которые можно оценить как лидирующие.

Ключевые слова: осетинский этнос, историко-ретроспективный подход, этика и ценности труда, этос, динамика, субъективное осмысление, этническое самосознание.

Для цитирования: Хадикова А.Х. Традиционная этика труда как источник формирования характеристик этнофора у осетин // Известия СОИГСИ. 2026. Вып. 61 (100). С.46-56. DOI: 10.46698/VNC.2026.100.61.004

Поступила в редколлегию: 10.06.2026 г.

Принята к публикации: 15.09.2026 г.

Статья является частью более широкого исследования феномена этнической личности осетин / этнофора. Данное изыскание, выполненное в ресурсе научных интересов этнологии [1], обращено к субъективному осмыслению такого важного аспекта этнокультурного наследия, как ценности труда. В исторической ретроспективе анализируются нравственно-этические убеждения, привязанные к трудовой деятельности, привычной для осетин так называемого традиционного периода, а также их современные трансформации.

Актуальность подобного исследовательского подхода предопределена возрастающей потребностью в более глубоком понимании субъектного аспекта этнокультур и «концепции лица», сформировавшейся в рамках каждой из них. Указанная проблематика, наряду с вопросами модернизации и трансформации традиций [2], немало способствует изучению «сложноструктурированного центра духовных актов» этноса [3].

Об источниках: для ретроспективного обзора народной этики труда использованы мифологические и письменные этнографические источники XIX – начала XX в.

Исследование также опирается на эмпирический материал – данные опроса, проведенного в 2026 г. среди этнических осетин – студентов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

Применительно к осетинскому этносу исследуемая проблематика имеет весьма любопытную особенность. Физический труд в систему ценностей и, соответственно, этическую категорию «блага» вошел отнюдь не на ранних этапах этнической истории в силу присущего народу так называемого воинственного этоса с соответствующими ему идеологическими и нравственными приоритетами [4].

В намерении выявить значение созидательно-трудовых ценностей в рамках определенной этноментальности (включая их современное субъективное осмысление) необходимо опереться на концептуально-понятийную базу, способную стать универсальной. После анализа соответствующих дефиниций на междисциплинарном уровне автор имеет основания утверждать, что в обобщенном остатке трудовая этика трактуется как совокупность моральных убеждений, установок и стереотипов, регулирующих поведение людей в трудовых взаимоотношениях. Подобный исследовательский интерес в предметном поле этнологии присутствует давно и весьма органично.

Необходимо также уточнить, что в период высокого авторитета обычая все аспекты общественной и семейной жизни осетин (как и других народов) были мотивированы исключительно народной этикой, ее основными ценностными константами.

Исследование конкретных этнографических воплощений народной осетинской этики труда стоит начать с принципов коллективизма, самым ярким проявлением которого в трудовой сфере был обычай трудовой взаимопомощи – *зиу*. К нему прибегали в случае крупных работ – аграрных, но чаще строительных [5, 77]. Впрочем, согласно источнику, «не существовало ни одного такого вида хозяйственной деятельности, к которому не прилагал бы горец этой излюбленной формы» [6, 142]. Историк и носитель осетинской этнической культуры С.В. Кокиев в 1885 г. утверждал, что осетины «охотно поддерживали трудом того, кто в этом нуждался» [5, 77].

Стоит подчеркнуть разницу в масштабах взаимопомощи: она могла ограничиваться участием лишь *сыхбæстæ* / «соседства». Подобные сообщества, наделенные даже центральным органом управления *Сыхы ныхас*, имели место в традиционной жизни осетин. Но нередко в *зиу* было вовлечено и все селение / *хъæубæстæ*. Вместе с тем, в источниках содержится указание на то, что работа в *зиу* более пристала молодым людям [7, 212]. Возможно поэтому совместный труд его участников – *зиуæттæ* – «скорее напоминает торжественный праздник, чем утомительную работу, в нем польза коллективной работы удачно сочетается с чрезвычайно радостным настроением» [8, 407]. Есть также и сведения, согласно которым в процессах общинной трудовой взаимопомощи были задействованы все возрастные группы [7, 212]. Уместно упомянуть и о *цадамбал* – организованном в целях взаимопомощи своеобразном прокате рабочей скотины и инвентаря [5, 250].

Несмотря на очевидную экономическую подоплеку обычая коллективной взаимовыручки, мотивирующие его ресурсы восходили не столько к практически целесообразным, сколько к нравственно-эмпатическим побуждениям. Формально участие в актах взаимной помощи было исключительно добровольным, но отказ от него мог быть опасен вполне ощутимыми репутационными потерями. О глубокой связи взаимопомощи с этической категорией «добра» свидетельствуют убеждения о неотвратимости посмертного наказания для тех, кто при жизни игнорировал исполнение этого *a priori* существующего гуманистического человеческого «долга» [9, 137-166].

В целом даже индивидуальный (домашний, семейный) сельскохозяйственный труд долгое время оставался в лоне сакрально-этических санкций общины: «...никто не имеет права в Осетии произвольно один сам собою приступить к сенокосению, а должен выйти на определенное место в один день со всеми обитателями целого

округа или ущелья. Для назначения такого дня установлен совещательный праздник в июле, называемый осетинами Атенек, на который собираются все жители к одной какой-нибудь древней и уважаемой ими церкви» [10].

Любые научные исследования, посвященные трудовой этике народа, рассматривают ее как моральный камертон неоспоримых ценностей. В источниках содержатся сведения, что и у осетин существовал «культ поклонения труду. Выходит ли пахарь в поле пахать, жать, молотить, косарь – косить, они чествуют этот первый день особым пиршеством – общественным и частным» [11, 35]. Это наблюдение было опубликовано в самом начале XX в.

Однако надлежит специально оговорить упомянутую в начале исследования особенность: ранние источники не фиксируют трудолюбие в ряду «лучших» характеристик личности. Примененный нами в исследовании историко-ретроспективный подход позволяет восстановить динамику субъективных, порой эмоциональных, оценок физического труда: от той этнографической реальности, в которой для «настоящих» мужчин пристало быть вовлеченным преимущественно в занятия (с и их нравственно-этическим подтекстом), которые Л. Штедер в 1781 г. представил как «охота и война» [13, 36].

Подобное утверждение едва ли может быть воспринято всерьез вне понимания свойственного горцам Кавказа воинственного уклада жизни и той социально-политической среды, которая объективно сохранялась вплоть до добровольного присоединения Осетии к Российской империи (1774), а в ментальных установках – несравнимо дольше.

Важно уточнить, что в свойственных осетинам базовых категориях народной этики эмоциональная связь труда с понятиями «высокой» морали обнаружена не была. Этнический образ «достойного» (по субъективным понятиям) мужчины, как и сам этнический концепт «мужчины» *Лагдзинад*, долгое время соизмерялся с идеалами, в которых качеству трудолюбия отдано должное не было, чему посвящено отдельное этнографическое исследование [14].

Мы опираемся, в числе прочего, и на исследования этнической психологии, в частности модальной личности осетин. К примеру, завершающим тостом осетинского ритуального застолья является молитва за изобилие – *Бæркад*. Вплоть до второй половины XX в. продолжали фиксироваться вербальные формы-пожелания изобилия, достигнутого не сверхзатратным трудовым вложением: «*Нæ гыццыл бакуысты бирæ бæркад куыд уа*» – «Пусть наша небольшая работа принесет нам много процветания» [12, 210].

Подмеченные наблюдения пригодны как при анализе пережиточных, связанных с трудом, ментальных убеждений, так и при выявлении роли труда в адаптационном потенциале этноса. Суть и направление трансформации нравственно-этических воззрений на труд отражено в следующем, зафиксированном И. Кануковым (1850–1899), мнении: «“Теперь времена джигитовки миновали... Пора расстаться с оружием и взяться за соху”. Все это говорил Хатацко. Я не ожидал от него столь резких приговоров над молодечеством, освященным предками» [15, 36]. И его же: «Ряд исторических факторов доказывает нам, что народ сохраняет дух воинственности, удалства до тех пор, пока обстоятельства окружающей его жизни тому благоприятствуют... Но когда для развития этих качеств не благоприятствуют эти обстоятельства, на место храбрца и воина является трудолюбивый хлебопашец» [15, 80].

И даже в героическом Нартовском эпосе прославленные воины в тяжелые времена во имя спасения своего народа заняты трудом, и что стоит особенно отметить – наемным. Подобные сюжеты выявляют сложившееся ядро субъективных оценок каждой конкретной деятельности с соответственными этико-коммуникативными программами. Так, нанявшийся в пастухи Урузмаг и в положении работника не принимает к себе отношения, не подобающего его подлинному статусу прославленного

воина. Наниматель не придерживается стереотипов, привычных ментальному складу нартов, – он не ведет себя, «как того требует уаздандзинад» [16, 367].

Уаздандзинад – этика «благородного» обхождения. По сюжету, «алдар, сидя на своем кресле, сложив ноги одна на другую, никогда не меня внимания не обращал». Нарт воспринимает это как тяжелое оскорбление и решает наказать его – снести голову «за такое его неприличие» [16, 367]. Другие авторитетные нарты, Батрадз и Сослан, временно пребывая в статусе вовсе уж «купленных» работников, также гневно отвергают отсутствие должного, по их представлениям, обхождения.

А в мифологическом сюжете о Згидской красавице / *Зджыды расугъд* уже в полной мере присутствуют трансформации понятий о «настоящем» мужчине вне воинственных нравственных доминант [17, 406–410].

Имея большой выбор претендентов на свою руку, красавица князьям и богачам предпочла юношу простого, но одаренного мудростью, красноречием, исполнительскими талантами и главное – способного не только на боевой, но и трудовой героизм. Сказание полно одобрения подобного выбора девушки. В данном случае важен не столько полный сюжет предания, сколько его дидактический контекст, утверждение новых нравственно-этических приоритетов, расширяющих моральные рамки исключительно «воинской» идеологии.

Идеал достойного мужчины пополняется образом успешного труженика. Примером и доказательством чего и является упомянутый выше персонаж – муж Згидской красавицы. В представлениях о «честь» мужчины – защитника интересов общества – можно обнаружить не только воинственный азарт, но и потенциал созидания, который означает склонность к физическому труду. Завоеваний более недостаточно, на ментальном уровне формируются ценности труда, которые находят свое вполне почетное место в базовых категориях этики и морали.

Анализ изменений оценочных воззрений на физический труд, напрямую связанных с определенными историческими обстоятельствами, интересен для изучения некой сенситивности, «чуткости», психологизма народной этики, но содержащийся в ней информативный потенциал может оказаться весьма полезным и для исследователя-историка.

В трудовых взаимоотношениях традиционного общества были воплощены основные положения народной этики и, конечно же, нравственно-коммуникативные устои, сопровождающие категории пола и возраста. В то же время, соблюдение общепринятых этических убеждений со всеми производными от них коммуникативными предписаниями в непростых условиях горского малоземелья было обречено на некоторую вариативность. Труд требовал совместных усилий, и с началом сезонных работ «вся горная Осетия, стар и млад на полях» [11, 35]. Поэтому на определенный срок сельскохозяйственный труд «отменял» гендерно-возрастные ограничения. Но все-таки указания на то, что «женщины заботятся о жатве, сборе плодов, а мужчины занимаются пахотой и обработкой земли» [11, 36], свидетельствует о том, что в земледельческих работах мужчины и женщины могли участвовать не совместно и, по крайней мере, не одновременно.

Этика труда предполагает и определенную специфику приветствий. Помимо обычной для осетинского этикета связи приветственных благопожеланий с обстоятельствами встречи (времени суток, направления движения, пола и возраста коммуникантов и др.) были приняты приветствия, соответствующие трудовому занятию человека в момент встречи. Чаще всего это «*Дæ куысты фарн уæд!*» («Удачной работы!»). Если человек занят сельскохозяйственным трудом, надлежит пожелать ему изобилия ближайшей осенью: «*Дæ фæззæг дыл баркаджинай æрцауæд!*» [12, 216] и другое подобное.

Труд внутри отдельных домохозяйств также выстраивался в соответствии с гендерной и возрастной спецификой царившего в большой семье патриархального укла-

да. В равнинных селениях нормы этики труда соблюдались более официозно, и отношения между полами имели характер едва ли не церемониальной сепарации. Существовало непреложное этико-мировоззренческое правило, согласно которому сферой применения женских усилий, направленных на общее благо, является домохозяйство, мужских – социум. То есть «место» мужчины определено вне дома, по осетинской поговорке «мужчина в доме гость». Это правило распространялось и на отношения труда: «Тяжелые полевые работы исполняются мужчинами, сбыт продуктов в соседних городах производится ими же, на долю женщины остается домашнее хозяйство» [18].

В общем помещении традиционного жилища – *хæдзар* – нравственно-этические представления о нормах распределении обязанностей были представлены на визуальном уровне. Помещение было условно поделено на мужскую и женскую половины. На мужской было развешено оружие, народные музыкальные инструменты, бурки. Женская была обставлена атрибутикой труда – приспособлениями для приготовления выпечки, молочных продуктов, шитья и пр., что свидетельствовало о постоянной «домашней» локации женщин.

Морально-этические принципы распределения домашнего женского труда также существовали, они сказывались в закреплении за женщиной постоянных обязанностей. Распределение было подчинено убеждениям о престижности тех или иных домашних женских занятий, на вершине этой самобытной иерархии находилось приготовление хлеба и пирогов, и этим пристало заниматься лишь старшим и наиболее авторитетным женщинам. Приступить к занятию выпечкой можно было только после специального благословения руководительницы женской частью большой патриархальной семьи – *æфсин*. Ниже в иерархии престижа домашних занятий для женщин следовало приготовление молочных продуктов и так по нисходящей. Наименее престижным считалась доставка воды, она была участью молодых снох и девушек семьи.

Вся упомянутая иерархия имела также и пространственную фиксацию. Наиболее статусной локацией считалось место самой *æфсин*: чаще всего оно располагалось неподалеку от входа в семейную кладовую. Возле этого места и располагался инвентарь, необходимый для выпечки, далее – маслобойки и пр. Кувшины для доставки воды ставили прямо у входных дверей – в традиционных представлениях об организации домашнего пространства это считалось самой «непрестижной» позицией. Переход от одного рода занятости к другому был своеобразным повышением внутрисемейного статуса домочадцы.

В источниках отражены субъективные оценочные мнения относительно престижности-непрестижности и определенных видов «мужской» деятельности. Например, «охоту они считали за самое священное и молодецкое занятие... тот, кто проверен и удачлив на охоте, почитается у них самым счастливым и уважаемым человеком» [19]. Напротив, «постыдным» занятием считалась торговля, осетины периода бытования обычного права, да и много позднее, как правило, не выбирали этой деятельности.

По выше упомянутому (и самому раннему из приведенных здесь) свидетельству Л. Штедера, субъективно «одобренными» были также занятия «седельной сбруей, ремеслом кузнеца, каменщика, строителя, приготовлением пороха, выделкой из кожи ремней и обуви, охотой и войной» [13, 12]. Из сельскохозяйственных занятий в качестве наиболее авторитетных рассматривались скотоводство и зерноводство [12, 234]. После присоединения к Российской империи в субъективном восприятии осетин высоко престижной и, скажем так, сверхпочетной стала профессия военного.

Безусловное для осетин предпочтение службы в армии отразилось на творчестве поэта, писателя, публициста, художника Коста Хетагурова (1859–1906). На протяжении всей своей жизни он неоднократно прямо (как в стихотворении «Ныфс») и косвенно приносил извинения своему отцу, его памяти за то, что не выбрал именно эту «лучшую», в представлениях осетин, жизненную стезю. Отец, сам офицер, был

крайне огорчен иным выбором Коста, считая его неуспешным и в большом разочаровании обращая к нему вопрос: «Кем ты станешь, сын?»

Всем своим творчеством народный поэт и подлинный радатель за благо своего народа, К.Л. Хетагуров способствовал утверждению оценки труда как благой ценности, а не весьма «нежеланного» бремени. Он старался привить своему народу трудовые ценности, осмысление их как неременного условия достойной человеческой жизни: «Блажен, кто в родимом краю // Веселую песню свою // С друзьями подчас запекает// По нивам проходит родным // Кто хлеб для семьи добывает!» [7, 55]. Он утверждал, что носитель прежней «силовой» доминанты «езде едва-едва терпим», и пытался убедить свой народ в том, что «умерла слава винтовок, шашек, скакунов» [7, 380]

Тем не менее, первая осетинская интеллигенция была представлена преимущественно офицерами, восприятие этой профессии как «лучшей» для мужчин не претерпела существенных изменений и в далеком для Коста будущем. Этнопсихологические исследования, проведенные в начале 90-х годов XX столетия, обнаружили ее безусловный приоритет в субъективных представлениях этнических осетин о самом «достойном» выборе для мужчин. Тогда же было выявлено, что «лучшим» занятием для женщин осетины сочли сферы медицины и образования [12, 234].

Для понимания направления современных трансформаций субъективного восприятия осетинами ценностей труда стоит обратиться к эмпирическому материалу – данным опроса, проведенного с целью выявления качеств и характеристик современного осетинского этнофолкса (термин, с некоторых пор принятый в этнологии [20]).

С целью выявления особенностей субъективного восприятия труда и связанных с ним эмоциональных и мыслительных стандартов информантам были предложены несколько блоков вопросов. Первый из них был ориентирован на выявление субъективных представлений современных молодых осетин об их соотечественниках в прошлом, то есть в традиционном социуме. Уточним, что в данном исследовании понятие традиционности не связано с принятыми в науке классификационными характеристиками типов обществ, а отсылает лишь к укладу, при котором власть обычая авторитетна, даже в случае утраты им функции обязательного для всех «закона».

Информантам было предложено выбрать те личностные качества, которые, по их субъективному мнению, были свойственны осетинам в XVIII – начале XX в. Анализ ответов показал, что качество трудолюбия было указано, но отнюдь не в убедительных позициях – немногим более 12%, существенно уступив таким характеристикам, как «отвага», «честь», «высокая мораль», «знание обычаев», «справедливость», «вежливость», «верность дружбе и данному слову», «хорошее владение оружием». Своего соотечественника в прошлом молодые осетины несколько романтизируют, явно предпочитая «человеку-труженику» «человека высокой чести», наполняя при этом содержание «чести» отнюдь не приобретенными осетинами навыками труда как единственного надежного способа выживания в определенный период.

Далее: в важный для осетин этноментальный концепт *лагдзинад* склонность к физическому труду не попала ни единожды. Этот феномен студенты субъективно толкуют в ресурсе тех качеств, которые имеют для них «возвышенный» подтекст. Указаны те же «мужество», «отвага», «справедливость», «верность слову», «верность дружбе». Из чего можно сделать вывод о непричастности сферы труда к понятиям чего-то высокого и одухотворенного, как, к примеру, в культурах земледельческого типа.

Но в то же время в блоке, направленном на выявление качеств, необходимых, по мнению информантов, для достижения успеха в современной жизни, трудолюбие присутствует – и в более чем уверенных позициях. В частности, при ответе на вопрос «Какие личностные качества создают хорошую репутацию современного человека» трудолюбие заняло почетное третье место, уступив только качествам честности и дружелюбия.

В следующем блоке, выявляющем мнение информантов о значении ценностей труда в жизни современного осетина/осетинки, выяснилось, что в облике «эталонного» соотечественника трудолюбие также отведено третье место после качеств ответственности и способности отстаивать свои интересы. В понимании образа «лучшей» осетинки-современницы трудолюбие уступило лишь хорошему воспитанию, опередив многие прочие характеристики.

На вопросы типа «важно ли качество трудолюбия в профессии», а также «при выборе будущего супруга/супруги» положительно ответили все.

Теперь о профессиональных предпочтениях современных осетин. Выше было упомянуто, что сразу после присоединения к Российской империи наиболее желанной профессией для мужчин стала служба в армии. Также было указано, что эти приоритеты сохранялись и в советский период. Блок, посвященный выявлению современных предпочтений, показал удивительную устойчивость оценочных убеждений осетин относительно профессионального выбора. Для мужчин – это по-прежнему служба, однако теперь не только в армии, но и прочих силовых структурах. Второе место по важности было отдано занятиям бизнесом и коммерцией и третье – строительным специальностям.

В предпочтениях женских профессий по-прежнему присутствуют медицина, образование (в равных позициях) и художественное творчество. Ориентированности на исключительно «домашний» образ жизни женщины не выявлено, ни один из информантов не указал на ведение домашнего хозяйства в качестве единственного, приемлемого для женщин, занятия. Помимо того, также нельзя констатировать убежденности молодых осетин в том, что женщине пристало быть занятой удаленной работой, ведя ее из дому. Подчеркнем и тот факт, что у молодых осетин отсутствуют представления о различиях в социальной состоятельности полов.

Обратимся к субъективному восприятию самого концепта «труд». Из ответов информантов следует, что молодое поколение сохраняет понимание нюансов его обозначения в зависимости от контекста употребления. Так, к тяжелому труду применимо слово *фыдабон* (в дословном переводе «тяжелый день»). Также данное слово употребляется в значении «страдание, мука», вполне ассоциированном с действительно непростыми условиями выживания осетин в их «горском» прошлом. Также тяжелые физические усилия обозначаются понятием «*тухаен канын*» («мучиться»). По сию пору оба оборота употребляются осетинами в ситуации очень больших физических, да и нравственных затрат. Например, в случае благодарности за помощь соседей в проведении похорон, по осетинскому обычаю требующих больших физических и моральных усилий: «*Дæ фыдабæттæ дын цæмæй бафиддзынаен*» в смысле «Твой труд не имеет цены».

Термин *фæллой* интерпретируется в первую очередь как сельскохозяйственный труд, а впоследствии – любой вид трудовой деятельности, этим же словом обозначается и результат труда – урожай, имущество и т.д. Именно это понятие используется и в случае необходимости обозначить мотивы возвышенного, созидательного, а не изнурительного труда. Самым расхожим, обыденным обозначением труда является глагол *кусын* / работать, от него происходит и обозначение самого места работы/службы – *куыст*.

Молодое поколение показало понимание феномена *зиу* как безвозмездного совместного труда. Анализ ценностей и этики труда, осуществленный с применением историко-ретроспективного подхода и на основании эмпирического материала, позволяет сделать некоторые выводы.

В субъективных представлениях осетин ценности труда не представлены в той степени, которая позволила бы констатировать их как компонент упомянутого выше «центра духовных актов этноса». Опрошены были студенты исторического факуль-

тета, осведомленные о событиях этнической истории своего этноса и огромной роли труда в период тяжелого выживания в условиях острого малоземелья. Тем не менее, в субъективных представлениях о своих соотечественниках былых лет они предпочитают ориентироваться на образы, соответствующие исключительно воинственному этосу с соответствующим «набором» личностных характеристик. Труд, несмотря на его высокое значение в адаптации этноса в «горский» период, на уровне субъективного осмысления не обрел подтекста причастности к «высокой» морали.

Вместе с тем относительно своего времени молодые осетины высоко оценивают труд как средство достижения успеха в современном обществе. Вплоть до того, что в их субъективных представлениях качество трудолюбия присутствует в осмыслении лучшего варианта «себя».

Методы, примененные в статье, данные этнографических и мифологических источников, результаты проведенного опроса позволяют утверждать, что на уровне статической части этнического самосознания молодых осетин продолжают доминировать ценности, свойственные воинственному этосу. Но на уровне динамической его части ценности труда представлены не просто вполне уверенно, а в позициях, близких к лидирующим.

Этноментальные установки тесно связаны с объективными обстоятельствами конкретной исторической судьбы каждого народа, что наделяет подобную проблематику информативным потенциалом, достаточно серьезным для включения феноменов мыслительной деятельности этноса в предметное поле исторических дисциплин.

1. Хадикова А.Х. Этнофор: историко-этнографический аспект изучения (на материале исследования феномена этничности разделенного осетинского этноса) // Известия СОИГСИ. 2022. Вып. 46 (85). С. 105-116.

2. Канукова З.В. Традиция в современном осетинском обществе. Владикавказ: Ир, 2018. 216 с.

3. Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С. 4-17.

4. Беляева Е.В. Воинский этос и универсалии морали // Философия и социальные науки. 2008. № 2. С. 34-38.

5. Кокиев С.В. Записки о быте осетин // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. 1885. Вып. I. С. 67-112.

6. Щербина Ф. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. 1886. № 1-2.

7. Хетагуров К.Л. Произведения. Владикавказ: Ир, 2009. 624 с.

8. Ванети З.Н. Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1926. Вып. 2. С. 387-438.

9. Осетинские Нартские сказания. М.; Владикавказ: Менеджер, 2010. 504 с.

10. Гордеев Г.С. Вероисповедание, суеверие, обряды, правление, обычаи и нравы осетин // Тифлиссские ведомости. 1830. № 28.

11. Гардант М.К. Социально-экономические очерки. Современная Северная Осетия. Владикавказ: [б.и.], 1908. 85 с.

12. Хадиков Х.Х. Очерки этнической психологии осетин. Владикавказ: СОГУ, 2015. 364с.

13. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. // Осетины глазами рус-

ских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967. С. 27–70.

14. Хадикова А.Х. Свойства этнофора в контексте исторических трансформаций традиционной осетинской субкультуры Лæгдзинад // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2024. № 4. С. 113–122.

15. Кануков И.Д. В Осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе: Ир, 1985. 471 с.

16. Нарты. Осетинский героический эпос. В 3 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1989. 495 с.

17. Ирон адæмон сфæлдыстад. Осетинское народное творчество. В 2-х т. / Сост. З.М. Салагаева; под общ. ред. В.И. Абаева. Дзауджыкъæу / Владикавказ: Ир, 2007. Т. 1. 410 с. (на осет. яз.).

18. В. Х. Кое-что о дигорцах // Кавказ. 1887. № 339–340.

19. Берзенов Н. Новый год у осетин Владикавказского округа // Кавказ. 1850. № 2.

20. Кадыров Ш.Х., Брусина О.И. Этнография и этнология: смена парадигм // Историческая психология и социология истории. 2016. Т. 9. № 1. С. 157–173.

Khadikova, Alina Kh. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-8106-8853>; khadikovaa@mail.ru

TRADITIONAL LABOR ETHICS AS A SOURCE FOR FORMATION OF THE ETHNOPHORE CHARACTERISTICS AMONG THE OSSETIANS.

Keywords: *Ossetian ethnic group, historical and retrospective approach, ethics and values of work, ethos, dynamics, subjective understanding, ethnic self-awareness.*

The article presents a historical and ethnographic analysis of folk labor ethics as part of the ethnocultural heritage of the Ossetians. Using a historical and retrospective approach, drawing on written ethnographic sources and empirical data (a survey conducted among ethnic Ossetian students), the author examines the subjective understanding of work ethics and values over time: from the period when custom still reigned supreme (the 19th to early 20th centuries) to the present day. The study is divided into two parts, the first of which analyzes moral and ethical beliefs in relation to specific aspects of work activity common to Ossetians of this period, in particular the custom of mutual labor assistance, as well as labor relations within the extended patriarchal family with its specific institutions and ethical and communicative norms. Particular attention is paid to the subjective understanding of the quality of industriousness and its dynamics. The second part, based entirely on an analysis of empirical data, revealed that the sphere of labor, despite its importance in the survival of the ethnic group during the acute land shortage of the “mountain” period, did not acquire subjective connotations of “high” morality. In their subjective perceptions of their compatriots of yesteryear, young Ossetians prefer to focus on images more consistent with a militant ethos. At the same time, the survey revealed that, relative to their time, students highly value labor as a means of achieving success. The quality of industriousness is also present in their subjective understanding of the image of the “best” representative of their ethnic group. The results of the analysis suggest that, at the static level of ethnic self-awareness, values characteristic of a militant ethos predominate among young Ossetians. At the dynamic level, the values of labor are represented in positions that can be considered leading.

For citation: Khadikova, A.Kh. Traditional labor ethics as a source for formation of the ethnopore characteristics among the Ossetians // *Izvestiya SOIGSI*. 2026. Iss. 61 (100). Pp. 46–56. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2026.100.61.004

References

1. Khadikova, A.Kh. *Ehtnofor: istoriko-ethnograficheskii aspekt izucheniya (na materiale issledovaniya fenomena ehtnichnosti razdelenного osetinskogo ehtnosa)* [Ethnopore:

historical and ethnographic aspects of the study (based on the study of the phenomenon of ethnicity of the divided Ossetian ethnos)]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2022, iss. 46 (85), pp. 105-116.

2. Kanukova, Z.V. *Traditsiya v sovremennom osetinskom obshchestve* [Tradition in modern Ossetian society]. Vladikavkaz, Ir, 2018. 216 p.

3. Rybakov, S.E. *O metodologii issledovaniya etnicheskikh fenomenov* [On the methodology of the study of ethnic phenomena]. *Ehtnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2000, no. 5, pp. 4-17.

4. Belyaeva, E.V. *Voinskii ehtos i universalii morali* [The warrior ethos and the universals of morality]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki* [Philosophy and Social Sciences]. 2008, no. 2, pp. 34-38.

5. Kokiev, S.V. *Zapiski o byte osetin* [Notes on the life of the Ossetians]. *Sbornik materialov po ehtnografii, izdavaemyi pri Dashkovskom ehtnograficheskom muzee* [Collection of materials on Ethnography published at the Dashkov Ethnographic Museum]. 1885, vol. I, pp. 67-112.

6. Shcherbina, F. *Obshchinnyi byt i zemlevladeniye u kavkazskikh gortsev* [Community life and land ownership among the Caucasian highlanders]. *Severnyi vestnik* [Northern Bulletin]. 1886, no. 1-2.

7. Khetagurov, K.L. *Proizvedeniya* [Works]. Vladikavkaz, Ir, 2009. 624 p.

8. Vaneti, Z.N. *Individualizm i kollektivizm v rodovom bytu osetin* [Individualism and collectivism in the tribal life of Ossetians]. *Izvestiya Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya* [Proceedings of the Ossetian Research Institute of Local Lore]. 1926, iss. 2, pp. 387-438.

9. *Osetinskie nartskie skazaniya* [Ossetian Nart tales]. Moscow—Vladikavkaz, Menedzher, 2010. 504 p.

10. Gordeev, G.S. *Veroispovedanie, sueverie, obryady, pravlenie, obychai i nravy osetin* [Religion, superstition, rituals, rule, customs and characters of the Ossetians]. *Tiflisskie vedomosti* [Tiflis Gazette]. 1830, no. 28.

11. Gardanti, M.K. *Sotsial'no-ehkonomicheskie ocherki. Sovremennaya Severnaya Osetiya* [Social and economic essays. Modern North Ossetia]. Vladikavkaz, [n.p.], 1908. 85 p.

12. Khadikov, Kh.Kh. *Ocherki etnicheskoi psikhologii osetin* [Essays on ethnic psychology of Ossetians]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2015. 364 p.

13. Shteder, L.L. *Dnevnik puteshestviya iz pogrannichnoi kreposti Mozdok vo vnutrennie mestnosti Kavkaza, predprinyatogo v 1781 g.* [Diary of a journey from the border fortress of Mozdok to the interior of the Caucasus, undertaken in 1781]. *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov* [Ossetians viewed by Russian and foreign travelers]. Ordzhonikidze, 1967, pp. 27-70.

14. Khadikova, A.Kh. *Svoistva ehtnofora v kontekste istoricheskikh transformatsii traditsionnoi osetinskoi subkul'tury Lægdzinad* [Properties of an ethnophore in the context of historical transformations of the traditional Ossetian subculture of Lægdzinad]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova* [Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov]. 2024, no. 4, pp. 113-122.

15. Kanukov, I.D. *V Osetinskom aule. Rasskazy, ocherki, publitsistika* [In the Ossetian village. Stories, essays, and journalism]. Ordzhonikidze, Ir, 1985. 471 p.

16. *Narty. Osetinskii geroicheskii ehpos. V 3 kn.* [Narts. The Ossetian heroic epic. In 3 books]. Moscow, Nauka, 1989, book 2. 495 p.

17. Salagaeva, Z.M. (comp.). *Iron adæmon sfældystad* [Ossetian folk art]. Vladikavkaz, Ir, 2007. 410 p. (In Ossetian)

18. V.Kh. *Koe-hto o digortsakh* [Something about the Digors]. *Kavkaz* [Caucasus]. 1887, no. 339-340.

19. Berzenov, N. *Novyi god u osetin Vladikavkazskogo okruga* [New Year among the Ossetians of the Vladikavkaz district]. *Kavkaz* [Caucasus]. 1850, no. 2.
20. Kadyrov, Sh.Kh., Brusina, O.I. *Etnografiya i ehtnologiya: smena paradigm* [Ethnography and ethnology: paradigm shift]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical psychology and sociology of history]. 2016, vol. 9, no. 1, pp. 157-173.